

АЛЬДА ДИО
ТАЙНА
ГРАФА ОДЕРЛИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д46

Оформление серии *Я. Клыга*

Редактор серии *А. Осминина*

Д46 **Дио, Альда.** Тайна графа Одерли / Альда Дио. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-227554-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Англия, 1779 год. Дарктон Холл — мрачное поместье, затерянное в туманных землях Хэмпшира, куда не спешат наниматься слуги. Слишком много исчезнувших, слишком много тайн.

Но именно туда отправляется Луиза Ле Клер — под чужим именем, с выдуманной историей и решимостью узнать правду. Она — глаза и уши своего покровителя, который отправил ее выяснить, кто такой граф Одерли, куда он исчезал на два года и действительно ли он в ответе за череду нераскрытых убийств.

Чем ближе Луиза подбирается к разгадке, тем опаснее становится игра. Потому что в этом доме у каждого есть маска — и у самой Луизы тоже.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-227554-8

© Дио А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

*Осень 1779 года. Англия,
графство Уинчестер*

— *Т*олько одному человеку во всей округе подвластны такие бесчинства. — Мужчина наклонился к собеседнику ближе, а я прислушалась, стараясь не упустить ни слова. — *Жестокому Графу.*

— *Сэр, вы всерьез полагаете, что в этих слухах есть хоть капля истины?* — *Юноша перешел на шепот.*

— *Если бы это были слухи, мой друг... Очень скоро вы разберетесь в хитросплетениях хэмпширского общества, которое, уж поверьте, гораздо опаснее лондонского. Я лишь предлагаю вам совет. Остерегайтесь любых дел с Жестоким Графом Одерли.*

Усталость вмиг схлынула, и я сжала края серебряного подноса крепче. Что за Жестокий Граф Одерли? Проклятие, почему я никогда о нем не слышала?!

Не находилась бы подле господ, непременно стукнула бы себя от досады по лбу. Нельзя упускать слухи, особенно о некоем опасном графе — они могут быть полезны для покровителя. К сожалению, волнение прислуге выказывать недопустимо, и я ограничилась лишь рассерженным вздохом, отчего приборы на подносе боязливо задребезжали, привлекая внимание полуночных гостей. Господ.

— Джесс, принеси еще чаю, будь так добра. — Просьба пожилого постояльца не дала предаться угрызениям совести, а учтивое обращение потушило недовольство. Редко кто запоминает имя прислуги. Мое вымышленное имя.

Легко поклонившись, я бросилась на кухню: чем скорее ворочусь, тем больше смогу подслушать.

Жестокий Граф Одерли. Кто он? Почему опасен? Что за слухи?

Мысли неслись быстрее меня, летящей по коридорам гостевого дома. Почти все свечи уже погасили, но темнота не мешала — за четыре года я успела выучить каждый паркетный выступ и дверной откос, а потому даже без света обошла ржавый гвоздь, торчащий из кухонного порога.

Тусклый огарок озарял пышную фигурку Грейс, притаившуюся за башнями котелков и тарелок. С каким же аппетитным чавканьем она уплетала булочку с абрикосовым вареньем, как плескалось молоко в глиняной кружке! Я приблизилась к служанке крадущейся кошкой, желая припугнуть.

— Грейс!

Она подпрыгнула и резко обернулась ко мне, едва не разлив молоко.

— Джесс, черт бы тебя побрал! Из ума выжила, пугать так?! Я уж подумала, Джон спустился запасы пересчитать — бита тогда была бы, ох и бита! — Грейс тяжело задыхалась, а я изо всех сил сдерживала смех, глядя на ее перепачканное вареньем лицо.

— А нечего по ночам за господами доедать!

— Ты смотри мне, не дури так больше! Иначе начну по углам от тебя шарахаться, как остальные, вот тогда и посмотрю, как ты испугаешься!

И вовсе не нужно мне внимание неотесанных слуг. Чтобы собирать слухи, мне и тебя достаточно.

Грейс — единственная из служанок, кто не кривился при виде меня, поэтому друзей выбирать не приходилось. Местные девушки невзлюбили не по справедливости, а из зависти — я не сама к Джону наниматься пришла, за меня покровитель просил. Оттого отношение ко мне было особое: работала я не наравне с остальными, а прислуживала ровно там, где могла пригодиться для своего настоящего дела. Не терла полы, не занималась стиркой, не утюжила простыни.

Если бы они знали, что не заносчивая служанка пред ними, но образованная баронесса, которая даже имени настоящего назвать не может... Сердца их наполнились бы жалостью, а не злобой.

Я невзначай откашлялась, доставая с полки банку с измельченными черными листьями.

Не нужно мне их сострадание — только сведения, а посему пора переходить к делу.

— Представляешь, сидят еще сегодняшние гости, чаю свежего просили, — начала я. — А я и уйти не могу, покуда они в комнаты не отправятся. И не спится же людям!

— Что ж они там делают, в ночи-то, раз не пьют?

— Мне почем знать? Беседуют. Да о таком...

— О чем же? — Глаза служанки озорно блеснули.

— Страшные вещи они говорили, про... Как же его...

Про некоего графа. Жестокого, кажется.

— Ах! То про милорда Одерли, поди! — Рука, сжимающая булочку, дернулась. — И что говорили?

— Что только он и способен на некие... Плохие вещи.

Я взглянула в румяное лицо Грейс, стараясь уловить в нем след осознания, но моей пытливости не требовалось — ужас и так блестел в ее глазах, озаряя кухню ярче любой свечи.

— Ах! Я так и знала, Джесс, я знала, что он как-то с этим связан! Ну, разве не помнишь, еще в том году на

кухне шептались? Мол, что еще одна девчушка из его прислуги без языка осталась — это все его проделки! Больше никому! Да-да, так и болтают, что хэмпширский граф жесток и злобен, но что он языки слугам руками вырывает — этого все никак доказать не могут. Но я-то знаю, я чувствую!

Я фыркнула, не скрывая недоверия:

— *Что за глупости, да разве ж кто способен на такое? Вырвать язык голыми руками?*

— *Никто, кроме графа Одерли! Мне не веришь, так хоть к словам джентльменов прислушайся! А среди люда простого давно говорят, что у графа в доме призраки по ночам плачут, да свои люди по всему Хэмпширу есть — ходят в темных одеждах и убивают по его приказу. Всех, кто милорду не угоден! А обставляют все так, что и не докажешь и не подкопайся!*

Ложка с горкой ароматных листьев замерла над чайником. Замерла и я, но вовсе не от страха — слова Грейс отозвались эхом.

Внутри затеплился огонек надежды, и я глубоко вздохнула, прикрыв глаза, чтобы не дать ему превратиться в испепеляющее пламя.

Соберись, Луиза Ле Клер.

— *Что ты сказала? — едва слышно переспросила я.*

— *Говорю, призраки у него по ночам плачут, Джесс! Да-да, так и слыхала! А днем иногда и смеются!*

— *Я не об этом. Про... убийц.*

— *А, так говорят! И в Лаверстоке с полгода назад двое мужчин были убиты, помнишь? Тоже его рук дело, я уверена. — Она утерла рот тыльной стороной ладони, но только пуще размазала варенье по щеке. — А ты, если будешь такой крепкий чай господам подавать, они и под утро не разойдутся, а там уже заново завтрак накрывать.*

— Да... Да, ты права, — заморгала я, глядя на заварник, до краев наполненный чайными листьями. — Спасибо, Грейс.

— И тебе спасибо. За то, что не докладываешь Джону. — Умяв последний кусочек булочки, она отряхнула руки о замасленный передник и кивнула на прощание. — Ты поди послушай господ, если мне не веришь. Все равно ведь еще целый чайник не разойдутся... Ну, удачи. До завтра.

Да уж, удача мне понадобится, — подумала я и, исправив чай, заспешила обратно в залу гостевого дома.

В ногах не чувствовалось усталости, и даже вечно выбивающаяся из-под чепца кудряшка перестала раздражать. Все мысли обратились к одному: надобно узнать об убийцах таинственного графа. Если они действительно берутся за подобную работу и не оставляют следов, значит... *Я смогу стать свободной.*

Вернусь домой в прежнем статусе. Вновь увижу сестер, будто бы последних четырех лет и не было вовсе. Увижу улыбку Джейн и услышу, как музицирует Жюли. Папá, упокой Господь его душу, всегда говорил, что у нее особый талант к фортепиано и исключительный слух. Жаль, нам с Джейн такого дара не досталось, но, уверена, мы со старшей сестрой хороши в чем-то ином.

Воспоминания о доме засияли перед глазами далекими звездами. Как бы отчаянно я ни желала вернуться, сперва требуется завоевать прежнее положение без вреда для себя и семьи, и убийцы жестокого графа могут помочь в этом. Могут оказаться счастливым билетом обратно в безбедную, знатную и сытую жизнь, если все сделаю правильно.

Окрыленная новой надеждой, я подала гостям чай. К болезненному сожалению, предмет их разговора успел смениться с жестокого графа на новости Ост-

Индской компании. Стоя у двери и опустив глаза в пол, я старалась впитывать каждое слово для покровителя, но внутри себя кричала: «*Про графа! Вернитесь к обсуждению Жесткого Графа, молю вас!*», а внешне оставалась лишь неподвижной тенью, готовой по малейшему жесту прислуживать господам.

Пожалуй, именно стать невидимкой было сложнее всего. Притворяться работающей и кроткой я научилась быстро, но вот быть незаметной... Двигаться бесшумно, как и подобает слугам, не попадаться на глаза, не сметь смотреть на хозяев, а главное — всегда молчать, давалось тяжело. Луиза Ле Клер не такая. Я не такая. В своей прошлой, свободной жизни я была непоседливой и громкой, упрямой и горделивой. Хоть именно это и послужило причиной моего падения, перекроить нрав, данный природой, нелегко. Но со временем любое мастерство становится подвластным, если внутри горит огонь стремления и искренней нужды. Поэтому сейчас я так слилась с окружающей гостинной залой, что беседующие мужчины меня не замечали.

Быть прислугой — самое подходящее прикрытие для сбора сведений, и за годы службы я тысячи раз задавалась вопросом: сколько же пикантных тайн слуги унесли из моего дома, пока всех не распустили?

Приглушенное обсуждение продлилось еще две чашки чая, после чего джентльмены разошлись по комнатам. Повторяя про себя все важное, что удалось узнать сегодня, я убрала гостиную и поднялась на скрипучий чердак далеко за полночь.

Завтра предстоит сложный, полный работы день, в котором баронесса Луиза Ле Клер будет играть роль служанки Джесс на благо своему покровителю.

И, возможно, именно этот день приблизит меня к желанному освобождению.

И к желанной мести.

* * *

— Над Темзой лежит голуб... глубоко... голуб... — Энни запнулась, стараясь прочесть новое слово, отчего ее бровки насупились на переносице.

— Смотри. — Мой палец скользнул на пожелтевшую страницу. — Давай, как учились, по слогам. Это что за слог?

— Глу.

— Отлично. Какой идет дальше?

— Бо...

— Именно.

— Кий. Глубокий! Над Темзой лежит глубокий туман! — Ее светлые глаза поднялись на меня, и сердце защемило.

Так похожа на Жюли!

Мою маленькую Жюли — талантливую, непоседливую сестру, которую я точно так же учила чтению в своей прошлой жизни. Пусть матери у нас и были разные, но общий дом и горе утраты сроднили: мы с Джейн никогда и не помышляли таить обиду на младшую сестру из-за мачехи, отнюдь, всегда считали Жюли родной. И всегда были неразлучны.

Пока я все не испортила.

— Покора... Покро... покроет он тайной умы горожан! — продолжила Энни.

— Умница. Давай, еще две строчки — и заканчиваем. Пора приступать к работе.

Разумеется, дочка хозяина была еще слишком мала для настоящей работы: помогала на кухне и с мелкими делами по уборке комнат. Ее лицо в веснушках, легкий нрав и любознательность очаровывали, и мне хотелось для малышки лучшей судьбы. Поэтому и начала учить ее чтению, наказав держать это в тайне ото всех, кроме Джона.

Когда часы пробили шесть, небольшой штат слуг ожил. В кухне забренчали посудой и залязгали ножами, в коридорах уже слышались шаги и шелестящий шепот, тяжело задышал камин в гостиной.

Осенний сезон у Джона всегда был занятой. Титулованные гости останавливались на пути в родовые поместья из столицы, и каждый ожидал обращения не хуже, чем в лучших лондонских домах. Я же бесстыдно подслушивала их беседы, благо с годами приноровилась распознавать нужные сведения среди пустого светского шума, видеть намеки и пропускать мимо ушей то, что не имеет для покровителя значения. Перед сном я заучивала новости, присоединяя их к вчерашним, и благодарил Фортуну за блестящую память.

За усердной работой день прошел быстро. Помощь Энни и мысли о Жестоком Графе отвлекали от ноющей спины, сморщенных в мыльной воде пальцев и покрасневшего от холода кончика носа. Только стоя в дверях гостиной залы, готовая прислужить господам за вечерним чаем, смогла выдохнуть. Расслабить напряженные плечи и отпустить ум блуждать по воспоминаниям — цветастым картинкам прошлого, где баронесса Луиза Ле Клер заигрывала с беркширскими мальчишками.

— Господа. — Голос разрезал убаюкивающий полумрак резким росчерком. Мужчина поприветствовал постояльцев учтивым поклоном, после чего обернулся, и свет камина обдал жаром суровый профиль, очертил иссиня-черные волосы, подсветил глаза-льдинки.

Сэр Ридл. Покровитель.

— С кем мне следует побеседовать насчет комнаты на две ночи?

— Позвольте проводить, господин, — пискнула я, присев в поклоне. Эту сцену мы разыгрывали сотни раз, когда свидетелями наших встреч становились по-

стояльцы гостевого дома, а потому выходило естественно и легко. Мы миновали переднюю, поднялись на второй этаж и прошли в покои, должным образом удаленные от бодрствующих господ внизу. Дверь из красного дерева заперлась с приглушенным щелчком.

В очередной раз я усмехнулась тому, куда завела меня жизнь — не боюсь более остаться наедине с женщиной, чтобы не запятнать свое имя. Потому что оно уже ничего не стоит.

Сэр Ридл опустился на софу с шумным вздохом. Дав себе лишь пару мгновений на отдых, он перевел взгляд, и два серых осколка впились мне в лицо — глаза у сэра Ридла были необычайно светлыми, на контрасте с черными волосами и вовсе пробирали до сурового мороза. Но я не боялась его. Познакомившись с джентльменом ближе, можно было утверждать, что нет человека манер более безупречных и обхождения более уважительного.

Хоть глаза его ледяные, но сердце — теплое. За маской серьезного мужчины средних лет скрывался единственный, кто протянул руку помощи обманутой и всеми покинутой девушке. Только он согласился выслушать, увидел во мне человека — живого и разбитого, а не испорченную девицу, от которой нужно избавить светское общество как можно скорее.

Он помог. Предложил службу. И я никогда не забуду его доброты.

— Как поживаешь, Луиза? — спросил мягко.

— Прекрасно, благодарю вас. — Я села на банкетку у основания ложа и, глядя на огрубевшую кожу ладоней, принялась вспоминать все, что смогла узнать за минувшие две недели.

— Спустя пару дней после вашего визита нас посетил лорд Астор в сопровождении юной спутницы. Остановился на ночь, а после, по его словам, направил-

ся в Лондон. Спутницу представил своей кузиной, хотя обращался с ней с уважением и теплотой, присущим далеко не старшему брату.

Сэр Ридл тихонько хмыкнул:

— У лорда Астора две кузины, обе живут во Франции и давно нянчат внуков.

Я улыбнулась его словам. Приятно, что новый слух его позабавил.

— Последний участок земли в Кватфорде выкупил некий мистер Холлс, — продолжила я. — Никто не знает его мотивов, но наш гость сетовал на это событие, ругался на безродных торговцев, что нажили состояние на колониях.

— Его имя? О каких колониях шла речь?

— Бенгальских, сэр, имя господина — Таунсенд.

Мужчина многозначительно кивнул и отвел взор в задумчивости, вплетая новые сведения в свои планы. Спустя пару минут две серебристые льдинки вновь вернулись ко мне, приглашая продолжить.

— Говорят, что господин Аркрайт купил новое торговое судно и набирает команду для путешествия в Пондишери.

— Скверно. Не было ли еще новостей о строящихся фабриках? — Я отрицательно покачала головой. — Или о тканевых факториях?

Вот что волновало его больше всего.

Хоть сэр Ридл и не распространялся о своих делах, а все мои вопросы ловко обращал в течение светской беседы, именно Ост-Индская компания и торговля тканями вызывали в нем самый живой интерес.

Перед глазами замелькали лица гостей прошедших недель, я потянула за ниточки обрывков фраз и разговоров, пока в памяти не возникла отчетливая картина.

— Да! — встрепенулась я. — Леди с золотыми волосами около пяти дней назад. В беседе с другой гостьей

упомянула лондонскую модистку, которая предлагает платья из... из индийского шелка.

— Они не назвали ее имени? Или адреса?

Я нахмурилась:

— С Блэкфорд... Блэквуд-стрит, кажется.

— Отличная работа, — негромко произнес мужчина, и его суровое лицо смягчилось. — Дело ли в прекрасной памяти, или же в искреннем стремлении помочь — твоё служение крайне полезно. — Пальцы скользнули под край пальто и выудили оттуда небольшой кожаный мешочек, туго набитый монетами. Ледяные глаза не отрывались от меня. — Как ты себя чувствуешь? Выглядишь нездоровой.

— Благодарю, сэр, за добрые слова и за то, что спрашиваетесь о моем самочувствии. Все прекрасно, лишь утомилась. — Я приняла оплату из рук мужчины. Мешочек показался тяжелее, чем обычно. Ридл щедро платил тем, кто хорошо служил, и я успела скопить приличную сумму.

Но все еще недостаточную.

— Сэр... Есть еще кое-что.

Он, уже успев подняться с софы, замер передо мной.

— Слышали ли вы что-нибудь о... Жестоком Графе?

Ридл насупил брови, челюсти плотно сжались. Я бы сказала, что он испугался моего вопроса, если бы не знала его достаточно хорошо.

— Почему ты спрашиваешь? Он был здесь?

— Нет, сэр, но люди... болтают всякое. Что граф Одерли — злой человек, вырывающий слугам языки. Вчерашние гости обсуждали, что с ним ни в коем случае нельзя вести дела.

С минуту мужчина испытующе смотрел на меня, будто проверяя на прочность, и лишь затем прервал зябкую тишину:

— Слухи о жестокости графа Одерли заполнили Англию не на пустом месте. Ни одно обвинение против не-